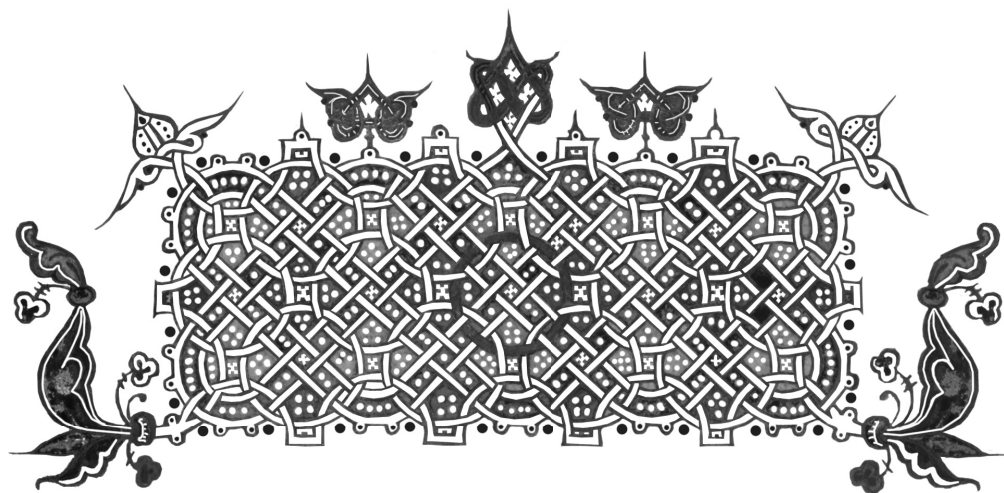

Часть 3

ИЗУЧЕНИЕ
РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ

О ДАТЕ НАПИСАНИЯ
АРХАНГЕЛЬСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ
ИЗ СОБРАНИЯ РУМЯНЦЕВСКОГО МУЗЕЯ

Рукопись Архангельского Евангелия, приобретенная Московским Румянцевским музеем в 1877 г.¹ и считающаяся четвертой по старшинству точно датированной русской книгой, является одним из тех немногочисленных памятников письменности, опираясь на которые мы выстраиваем свои представления о языке Древней Руси. Нередко на эту рукопись ссылаются исследователи как на объективное свидетельство древности изучаемых явлений², что, разумеется, вполне объяснимо, поскольку точно датированных русских рукописных памятников «пергаменного» периода немного, тем более относящихся к столь раннему времени.

Общепринятая дата рукописи была освящена именами уважаемых исследователей прошлого и казалась настолько незыблемой, что за последние сто лет никто не проверял, на чем основывается уверенность в том, что рукопись была написана именно в 1092 г. Такая дата доставляла некоторое неудобство добросовестным исследователям, которые были вынуждены отмечать, например, что «во втором почерке Архангельского Евангелия 1092 года ... процесс адаптации по интересующему нас признаку продвинулся весьма далеко, дальше, чем в большинстве рукописей рубежа XI–XII вв.»³.

Но поскольку у нас крайне немного письменных источников конца XI столетия, а дата 1092 г. последовательно принималась всеми на веру и вошла во все существующие перечни древнерусских рукописей, начиная со второго издания «Древних памятников» И.И. Срезневского⁴ и заканчивая «Сводным каталогом XI–XIII вв.»⁵, то исследователям приходилось мириться со странностями этого замечательного кодекса. Следует сказать, что в данном случае филологи не были одиноки: схожие затруднения с соотношением особенностей памятника и его даты возникали и у искусствоведов⁶. Впрочем, в начале бытования рукописи как объекта научного интереса ее датировка не была столь точной и однозначной.

Книга была явлена научной общественности в 1876 г., когда, по словам комиссионера московского Румянцевского музея С.Т. Большакова, некий крестьянин привез ее из Архангельской губернии⁷. Поскольку музей колебался, следует ли платить за нее запрашиваемую сумму, то С.Т. Большаков предлагал купить рукопись еще и Императорской Публичной библиотеке, для чего посылал рукопись в Санкт-Петербург. Таким образом, разные исследователи уже в 1876–1877 гг. имели возможность высказывать о ней свои суждения.

В Румянцевском музее рукопись рассматривали профессор Московского университета славист А.Л. Дювернуа, украинский публицист П.А. Кулиш и знаменитый собиратель, а в недавнем прошлом хранитель рукописей Румянцевского музея Е.В. Барсов и, по их мнению, рукопись следовало датировать 1192 г.⁸

Усердный исследователь славянской письменности архимандрит Амфилохий (Сергиевский) хитростью сумел получить рукопись на дом для исследования, изучал ее одиннадцать дней, результатом чего стала публикация описания рукописи с приложением цветных таблиц, а сама рукопись получила дату 1092 г.⁹, поскольку такая дата была прочтена архимандритом Амфилохием на л. 177 рукописи. В вышедшем издании архимандрит Амфилохий отметил существование иного мнения о времени написания рукописи: «Более меня знающие и палеографию, и филологию пусть высказывают свои мнения и суждения о ней и относят ее к гораздо позднему времени; но я, с своей стороны, заподозривать запись с годом SX не имею никакого основания»¹⁰.

Помимо названных А.Л. Дювернуа, П.А. Кулиша и Е.В. Барсова, сомнения в ранней датировке рукописи были и у других людей. Из опубликованной переписки хранителя рукописей Румянцевского музея А.Е. Викторова с И.И. Срезневским и хранителем рукописей Императорской Публичной библиотеки А.Ф. Бычковым видно, что ни один из них не был согласен с предложенной ученым архимандритом датой.

В январе 1877 г. И.И. Срезневский пишет А.Е. Викторovu: «...остаюсь при домысле, что Большаковская рукопись писана в начале XIII в., может быть, в конце XII века»¹¹. На рубеже 1876–1877 гг. А.Ф. Бычков читает в Публичной библиотеке доклад о новонайденной рукописи и датирует ее концом XII века¹². В письме к А.Е. Викторovu он выражает сомнения в том, что запись относится ко всей рукописи, и добавляет: «Что касается языка рукописи, то ... следует обратиться к скромным Евангелиям XII–XIII века, где встречаются многие его особенности»¹³.

Но кириллическая цифирь на л. 177 рукописи Архангельского Евангелия читается довольно отчетливо¹⁴, а лист входит в состав тетради кодекса¹⁵. Примириться же с тем, что рукопись следует отнести к концу XI века, не могут ни А.Ф. Бычков, ни И.И. Срезневский.

Практически сразу было выяснено, что кодекс распадается на две части, написанные разными писцами в разной манере. Это дает возможность названным знатокам древнерусской письменности говорить о разном времени написания частей рукописи. Так, по опубликованному мнению А.Ф. Быčkova, первая часть рукописи была написана «в конце XII, если не в XIII веке», а вторая — в конце XI столетия¹⁶. То же мнение можно найти и в работе И.И. Срезневского¹⁷. То есть оба ученых *пытались не датировать* 1092 г. хотя бы часть кодекса. Отнесение рукописного текста к более позднему времени казалось им оправданным, и ни А.Ф. Бычков, ни И.И. Срезневский не видели существенного повода отказываться от своей датировки. Замечательно, конечно, что к более позднему времени они относят часть рукописи более архаичную по письму¹⁸, а во многом — и по языку¹⁹.

В дальнейшем о разновременности частей рукописи писали многие. Такого мнения придерживался, в частности, исследователь перевода евангельского текста на Руси Григорий Воскресенский²⁰. Существенно позже Н.Н. Дурново в рецензии на факсимильное издание рукописи, вышедшее в 1912 г., также датирует первый почерк памятника временем более поздним, чем второй, но (в соответствии с представлениями об истории русского языка) уже «не позже первой половины XII века»²¹.

Особняком стоит мнение А.И. Соболевского, который без каких-либо объяснений перечисляет Архангельское Евангелие вместе с памятниками русского книгописания XII столетия: «...рукописи XII–XIII в., которые не имеют в своем правописании ни новгородских, ни галицко-волынских особенностей, каковы между прочим Евангелия Архангельское, Мстиславово, Юрьевское...»²².

В первой половине 1920-х гг. Н.Н. Дурново кратко обосновывает мнение об одновременности написания двух больших частей Архангельского Евангелия²³. Несколькими годами позже М.А. Соколова, посвятившая кодексу пространную работу, повторяет чуть более ранние по времени суждения Н.Н. Дурново²⁴. В кратком пересказе суть ее наблюдений такова: две большие части рукописи написаны одновременно, а поскольку никто не сомневается в том, что текст, выполненный четвертым писцом на л. 177, современен второй большей части, то и всю рукопись следует считать написанной в 1092 г.

Аргументацию М.А. Соколовой дополнил Н.Б. Тихомиров, опубликовавший краткое описание рукописи и пространный комментарий к этому описанию²⁵. И, по его мнению, в написании кодекса, кроме подшитога к нему листа 178²⁶, принимали участие три писца, а рукопись целиком следует датировать одним временем. Тем, которое указано в записи.

Как видно из сказанного, запись в рукописи Архангельского Евангелия в глазах исследователей оказывается значимее, чем другие данные, содержащиеся в этом замечательном письменном источнике. Те же, кто писал об Архангельском Евангелии в XX веке, в дате не сомневались и подверстывали к ней все свои построения. Так поступал, в том числе, и Н.Н. Дурново, не доверяя своим же выводам, основанным на анализе языка памятника. При этом, похоже, не будь в рукописи Архангельского Евангелия даты, ее на основании графико-орфографических, языковых, кодикологических особенностей, особенностей орнаментики²⁷ отнесли бы к первой половине — середине XII столетия.

* * *

В недавнем издании текста рукописи, которое готовила Л.П. Жуковская²⁸, запись на л. 177 приведена следующим образом, мало отличающимся от того, как ее читал архимандрит Амфилохий²⁹:

Коньча(х) азъ пе(т) томиі въ лѣ(т) зѣх [6600] презвут. грѣш(н)

Поскольку за прошедшие много лет никто этого не сделал³⁰, мы берем на себя труд по комментированию этого странного текста. Вот что надежно видно в записи сегодня³¹:

коньча(х) . [з. . (.)] . т[. м]иі([.]) . въ лѣ(т) . зѣх^о. презвут([р]) . грѣшь(н)

Начнем с того, что запись явно отличается от привычного вида подобного рода выходных записей с датами в славянских рукописных книгах по многим параметрам. Запись (или то, что считается записью) располагается на лицевой стороне 177 листа рукописи и представляет собой одну, самую последнюю на листе, строчку, которая ничем и никак не отделяется от предыдущего текста. Ей предшествует заголовок 11-го воскресного утреннего евангельского чтения и отсылка к соответствующему тексту в книге:

«еуа(г) . аї . ѡ(т) іѡана [пис]а(н) соу(б̄) . Н̄»³².

Это довольно странно для рукописи, в которой нет проблем с рубрикацией и которая содержит в себе почти двести разнообразных инициалов, большую

заставку, множество киноварных заголовков, малые заставки-разделители. Заметим, что существующая в Архангельском Евангелии запись второго писца рукописи (на л. 174 об.—175), помещенная после месяцеслова, очень хорошо отличима от основного текста: она отделена орнаментальной заставкой и написана более мелким почерком.

Запись на л. 177 даже приблизительно не соответствует привычным формулярам выходных записей на рукописных книгах и едва ли может быть признана похожей на любую из известных. И самое важное: запись из Архангельского Евангелия имеет весьма странное грамматическое устройство.

Фазовый глагол в *кончахъ*, как правило, не начинает, а продолжает запись, которая может начинаться глаголом *почахъ* или синонимичным ему. В большинстве известных записей глаголу *кончахъ* предшествует рассказ о начале действия, и он употребляется во второй части фразы, после противительного союза *а*. В подобных записях также всегда есть инфинитив, обозначающий действие, фазы которого отражены в записи, обычно глагол *писати*, и прямое дополнение, как правило, *книгы* или *книжьскы*. В единственной известной записи, начинающейся с глагола *кончахъ*, за глаголом как раз следует прямое дополнение³³, которое, вероятно, следует предположить и в записи из Архангельского Евангелия.

Между тем после глагола *кончахъ* всеми публикаторами читается личное местоимение первого лица единственного числа *азъ*. Ни факсимильное издание, ни оригинал не позволяют уверенно читать именно это слово³⁴, а наши знания о том, как употребляется местоимение первого лица в древнерусских текстах, делает принятое чтение весьма экзотическим.

Не так редки записи переписчиков рукописей, начинающиеся с местоимения *аз*, за которым немедленно следует имя писавшего. Но едва ли мы найдем текст, в котором бы местоимение оказывалось после глагола³⁵. Такая инверсия видится нам бессмысленной, и можно только фантазировать, зачем переписчику приходится *так* настаивать на своем участии в завершении работы над книгой.

Следующие за предполагаемым местоимением первого лица неясные слова никем никогда внятно не были объяснены. Как мы сказали, после местоимения ожидалось бы увидеть имя. А.Ф. Бычков³⁶ предлагал читать *поп Томии*, Е.Ф. Карским³⁷ предлагалось *Петр Томиин*. Но имени *Петр* там не видно, а прозвище *Томии* или *Томиин* все так же остается непонятным. Прочие варианты, вроде слова *потомный*, предложенного Л.В. Столяровой, которое должно означать «писавший после остальных»³⁸, еще менее вразумительны.

Дата, поставленная после глагола, обозначающего завершение процесса, — нормальное явление. Но в этом случае мы должны предполагать, что была и дата, относящаяся к его началу. То есть, если соглашаться с публикаторами и видеть в записи из Архангельского Евангелия именно то, что обычно видят, то придется предположить, что мы имеем дело со странной второй половиной более или менее стандартной записи, которая полностью могла бы выглядеть так: **В лето такое-то начах писати книгы сии такой-то, а кончах аз, такой-то, в лето 6600...*

То есть в лучшем случае придется нам считать, что переписчик по какой-то причине скопировал вторую часть записи протографа, приняв ее за продолже-

ние текста Евангелия. Такое предположение сняло бы вопрос о том, относится ли запись именно к Архангельскому Евангелию, но и в этом случае останется не ясно, почему *грешный пресвитер*, предположительно, согласованный с местоимением первого лица *аз*, так далеко отстоит от него, да еще между ними вставлена дата. Тот же Е.Ф. Карский, приводя запись, меняет ее части местами (*аз, грешный пресвитер, в лето...*), жертвуя научной корректностью в пользу хоть какого-то смысла³⁹.

Наконец, совсем не ясно, есть ли у записи продолжение. Текст на обороте листа 177 смыт и по смытому тексту написан иной (вероятно, XIII в.), содержащий чтение на четверг 18 недели по Пятидесятнице (Лк., зачало 23, VI, 12–19). Смытый текст никем никогда не был прочитан, видимых следов его нет. Собственно, ни рукопись целиком, ни ее части или плохо читаемые записи никогда не подвергались специальному исследованию⁴⁰.

Итак, к сожалению, очевидно, что существующие прочтения и интерпретации записи исходят из уверенности, что в древнем тексте слова и их формы ведут себя как попало, лишь бы их можно было сложить в какой-нибудь устраивающий нас смысл. Становится понятно, что дата «1092 год», по крайней мере, остается недоказанной. «А из сомнительной даты не следует извлекать никаких научных выводов», — писал в свое время В.Н. Щепкин⁴¹, и, к сожалению, повторять эту его фразу приходится нередко.

Между тем у нас есть достаточно материала для того, чтобы датировать рукопись «Архангельского Евангелия». Это особенности почерка и орфографии памятника, его орнаментика, кодикологические особенности, текстология, наконец, которая едва ли допускает возможность появления новой редакции текста в заурядной рукописи до того, как этот текст появился в репрезентативных списках. И на основании всех имеющихся данных рукопись окажется датированной первой половиной-серединой XII столетия.

Надеемся, что наша публикация послужит поводом для нового обращения к рукописи Архангельского Евангелия. Возможно, удастся прочесть испорченные части записи и последняя строчка на л. 177 обретет смысл.

¹ Рукопись хранится в Музейном собрании РГБ (ф. 178) под номером 1666. Об истории приобретения рукописи см.: *Бутина К.И.* К истории приобретения и первоначального изучения Архангельского Евангелия (Из переписки И.И. Срезневского, А.Е. Викторова и А.Ф. Бычкова) // Государственная библиотека им. В.И. Ленина. Записки Отдела рукописей. Т. 25. М., 1962 (далее: *Бутина*).

² В качестве характерного примера приведем цитату из статьи Л.П. Жуковской, предваряющей публикацию текста рукописи: «Можно лишь утверждать, что Арх2 [вторая часть Архангельского Евангелия, написанная писцом Мичком, — *А.Л.*] по составу представляет полный апракос и что, следовательно, в конце XI в. на Руси полный апракос был уже известен» (Архангельское Евангелие 1092 года. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. М., 1997. С. 32).

³ *Живов В.М.* Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006. С. 182–183.

⁴ *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Общее по-временное обозрение. Изд. 2-е. СПб., 1882. Стб. 32–33.

⁵ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 43–46.

⁶ Собственно, побудительной причиной предпринятого нами небольшого разыскания стала беседа с доктором искусствоведения М.А. Орловой (Государственный институт искусствознания, Москва) об особенностях орнаментики Архангельского Евангелия.

⁷ Эти сведения невозможно проверить, но за Евангелием закрепилось название «Архангельское».

⁸ Бутина. С. 409 (письмо А.Е. Викторова И.И. Срезневскому). Вероятно, названные лица читали дату как «СΨ» 6700/1192 г., хотя «пси» там можно увидеть только при очень большом желании.

⁹ Амфилохий (Сергиевский), архим. Описание Евангелия 1092 г. М., 1877.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Бутина. С. 416. Следует обратить внимание на то, что И.И. Срезневский не ссылается на записку и, следовательно, основывает свои выводы на особенностях рукописного памятника.

¹² Там же.

¹³ Бутина. С. 417.

¹⁴ И в оригинале, и в факсимильном издании 1912 г. (Архангельское евангелие 1092 г. Издание Публичного и Румянцевского музея. М., 1912) хорошо видно графему X и титло.

¹⁵ Тихомиров Н.Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI–XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ч. I (XI в.) // ГБЛ. Записки Отдела рукописей. Т. 25. М., 1962. С. 149 (далее: Тихомиров).

¹⁶ Бычков А.Ф. О вновь найденном пергаменном списке Евангелия // Сборник ОРЯС. Т. 17. СПб., 1877. С. XXXV, XLI (далее: Бычков).

¹⁷ Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Общее по-временное обозрение. Изд. 2-е. СПб., 1882. Стб. 32–33.

¹⁸ При этом первая часть рукописи, написанная более архаичным почерком, украшена инициалами, которые исполнены рукой хорошо освоившейся с византийским орнаментом и уже адаптировавшей его к своему обиходу.

¹⁹ Так, именно в первой части рукописи встречаются асигматические аористы.

²⁰ Воскресенский Г.А. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия XI–XVI вв. Сергиев-Посад, 1894. С. 15.

²¹ Дурново Н.Н. Архангельское Евангелие 1092 года. Издание Румянцевского Музея. Москва 1912 / Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 705.

²² Соболевский А.И. Источники для знакомства с древне-киевским говором // ЖМНП. 1885. Ч. CCXXXVII. Февраль. С. 356.

²³ Дурново Н.Н. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка / Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 400–401.

²⁴ Соколова М.А. К истории русского языка в XI веке (Рукопись московской библиотеки им. Ленина, № 1666) // АН СССР. Известия по русскому языку и литературе. Т. III. Л., 1930.

²⁵ Тихомиров. С. 149–152, 165–175.

²⁶ Лист 178 на самом деле входит в состав последней тетради кодекса.

²⁷ Архимандрит Амфилохий первый указал на сходство инициалов Архангельского Евангелия с инициалами Евангелия Юрьевского 1119–1128 гг. (ГИМ, Син. 1003); см.: Амфилохий. С. 5. В настоящее время более близкую аналогию специалисты видят в инициалах Добрилова Евангелия 1164 г. (РГБ, ф. 256, собр. Н.П. Румянцева, № 103).

²⁸ Архангельское Евангелие 1092 года. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. М., 1997.

²⁹ Удивительно, что современные публикаторы не увидели надстрочного знака Е или Р над словом *презвут*, отмеченного их предшественниками; еще удивительнее отсутствие буквы редуцированного после Ш в слове *грѣш(н)*.

³⁰ Считать комментарием публикацию Л.В. Столяровой (Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 37–38) мы не считаем возможным.

³¹ Укажем на неотмеченный нашими предшественниками факт: между частями записи стоят точки, которые обозначают границы слов; подобным образом в русских рукописях бывают устроенны, как правило, разнообразные заголовки, отсылки или уставные указания.

³² В издании 1997 г. вместо N (=50) дано K (=20). Между тем текст 11 утреннего воскресного евангелия (Ин. XXI, 15–25) читается именно в субботу перед Пятидесятницей (см.: л. 21–22 Архангельского Евангелия).

³³ Фраза из записи Изборника 1076 г. («Кончях книжкы сия в лето 6584 при Святославе князи Русьскы земля, аминь»), возможно, все же не первая. Даже если согласиться с У. Федером, что

начало записи из Изборника принадлежит протографу, то и в этом случае приведенный фрагмент по смыслу продолжает запись писца Иоанна (см.: *Уильям Р. Федер*. Хиляда Години Като един ден. Живот и текстовете в православното славянство. София, 2005. С. 120–121).

³⁴ Буква после видимой графемы З не похожа на Ъ, который в это время имеет общий наклон к концу строки. С равным успехом здесь можно увидеть букву Ы.

³⁵ Кроме того, значение первого лица уже выражено самой глагольной формой и постановка местоимения — очевидная избыточность.

³⁶ *Бычков*. С. XLII.

³⁷ *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1979. С. 303.

³⁸ *Столярова*. С. 37. Это слово «Словарем русского языка XI–XVII веков», на который ссылается исследовательница, засвидетельствовано в памятниках не ранее второй половины XVI века.

³⁹ *Карский*. Там же. Тексты, подобные тексту берестяной грамоты № 607/562 («*Жизнобоуде погоублене оу Сычевиць новъгородьске смърде...*») все же не могут быть признаны нормальными для книжности.

⁴⁰ Разве что архимандрит Амфилохий для прочтения угасшего текста поливал оборот последнего листа рукописи (л. 178 об.) синей жидкостью из флакона, оставленного ему И.И. Срезневским, в чем сам же простодушно и признавался.

⁴¹ *Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 156.

